

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42
ББК ШП41.12-51
DOI 10.26170/pl20-04-01

ГСНТИ 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

«Тристан и Исольда»: от нового учения о языке до новой хронологии (к 100-летию от начала советского идеологического научного историко-филологического дискурса)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена своеобразному юбилею — столетию от начала формирования советского идеологически ориентированного историко-филологического дискурса. В 1921 году в системе Академии наук был создан Институт яфетидологических исследований, который возглавил акад. Н. Я. Марр. Одним из этапных трудов института стала коллективная работа над сюжетом Тристана и Исольды, которая доказала право советской историко-филологической науки по-новому писать историю. Сто лет спустя к этому же сюжету обратился А. Фоменко в рамках парадигмы новой хронологии с той же целью — отстоять право постсоветской науки на исправление мировой истории. Это — два фрагмента в поиске ответов со стороны отечественной гуманитарной науки на вызовы советского и постсоветского общества по созданию собственной этнической истории с опорой на язык как способ формирования национального самосознания. Сравнительный анализ двух текстов-исследований сюжета о Тристане и Исольде в индоевропейской, семито-хамитской и финно-угорской лингвокультурах показывает, что Н. Я. Марр и его последователи опираются на отрицание, в первую очередь, сравнительно-исторического подхода и, далее, на отрицание истории как науки, построенной по европейским шаблонам. А. Т. Фоменко отрицает западноевропейскую историческую парадигму и тем самым отрицает сравнительно-исторический подход к языку. В решении идеологической задачи их объединяет одно — литература и язык не исчезают из истории, потому что литература и язык всегда имеют историческую ретро- и проспективу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: яфетидология; новая хронология; историко-филологический дискурс; советская идеология; национальное самосознание; этническая история; литературные сюжеты; сравнительный анализ; тексты-исследования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базылев, В. Н. «Тристан и Исольда»: от нового учения о языке до новой хронологии (к 100-летию от начала советского идеологического научного историко-филологического дискурса) / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 10-21. — DOI 10.26170/pl20-04-01.

— Маня...

— А ну-ка проверь... она же Исольда Меньшова, она же Анна Ефимовна, она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же Валентина Паненя. Сводня, воровка, четырежды судимая, на левой руке — голубь и три буквы «АНЯ». Так?

— Абсолютно точно.

Диалог Володи Шарапова и Глеба Жеглова из т/ф «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.)

НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Несколько перефразируя мысль С. Бойм, скажем: историко-филологическая наука оставалась в СССР одной из самых политизированных дисциплин на всем пути своего развития [Бойм 2002: 141; 65]. О политизации советской академической гуманитарной науки было принято, не скрывая этого, гово-

рить всегда. Не выходя за рамки узкой тематики статьи — историко-филологические исследования, обратимся к конкретному событию. В конце 20-х гг. объяснение создания Русского государства скандинавами утратило смысл и историческое содержание. Утратило потому, что советские специалисты, по словам В. В. Фомина, подвергнув «всесторонней критике» «пресловутую» норманскую теорию происхождения Русского госу-

дарства, доказали его возникновение в процессе внутреннего развития восточных славян, генезиса феодализма, «а не действии норманнов-варягов» [Фомин 2018: 99].

Действительно, определяя социальное бытие человека, язык определяет и формирует ту социально-идеологическую реальность, в которой осуществляет свою экзистенцию человек как существо социальное. Будучи реальностью языковой, социально-идеологическая реальность в то же самое время оказывается реальностью мифической.

По утверждению Г.-Г. Гадамера, язык «есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира, и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке. С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным» [Гадамер 1991: 29].

Миф же осуществляется именно через язык. Поэтому и появляется предпосылка для написания данной статьи. Поводом же служит своеобразный юбилей: в 1921 г. в системе Академии наук был создан Институт яфетидологических исследований, который возглавил акад. Н. Я. Марр. Задачи были четко отражены в его структуре — отделах педагогическо-пропагандистском, словарном и собственно исследовательском. В последнем из них, в секторе семантики мифа и фольклора, одним из фундаментальных проектов стала коллективная работа, посвященная разработке проблемы стадильности — краеугольного методологического основания яфетической теории, иначе «нового учения о языке», — на материале сюжета о Тристане и Исольде [Тристан и Исольда 1932].

Сегодня, с выходом в свет не менее фундаментальной книги А. Т. Фоменко объемом в 700 страниц убористого текста, посвященной анализу того же знаменитого средневекового литературного произведения с позиции нового научного историко-филологического подхода — «новой хронологии» [Фоменко 2018], можно говорить, повторяя слова А. Ф. Лосева, что миф «есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев 1993: 169]. Сама же мифология — это «наука и знание о мире как личности и личностях и об его истории как личной судьбе одной определенной или многих личностей» [Лосев 1991: 774]. Будучи не просто некой отрешенной действительностью, но осознанием действительности, реальность мифа выражается в языке, а это значит, что мифическая реальность есть ре-

альность языковая. По нашему мнению, и язык, и миф в своей социально образующей сущности — это одно и то же, а именно: словесная оформленность идеи, то есть идеология [Базылев 2014: 24].

Завершим вводную часть нашей статьи цитатой, принадлежащей П. Вайлю, в которой он характеризует советскую науку: «Облеченные доверием партии и народа, ученые не могли не чувствовать своей ответственности перед обществом <...> для них — единственных в стране — наука была не мифом, а реальностью. Они видели в ней социальный рычаг и не имели права пренебрегать ее возможностями» [Вайль 2018: 123].

ТРАДИЦИЯ И АНТИТРАДИЦИЯ

На фоне западной науки XX в. советская и постсоветская историко-филологическая наука традиционно воспринимается как наука аномальная. П. Серию даже вводит понятие советской научной антитрадиции, поскольку считает правомерным выделение советской филологии как оппозиции филологии западной [Серио 2001: 170—175]. Это мнение стороннего наблюдателя. Внутри отечественной лингвокультуры об этом же в своих беседах с В. В. Бибихиным будет рассуждать А. Ф. Лосев [Бибихин 2004: 59]. 20-е годы, начавшиеся декларациями: «Новое учение об языке требует не только отрешения от старого научного, но и от старого общественного мышления <...> Русская интеллигенция в своей массе продолжает раболепно преклоняться пред европейской цивилизацией <...> Раболепство и низкопоклонство перед чужеземною наукою не находит себе никакого оправдания...» (цит. по: [Серио 2001: 171—172]), — завершились эпохальным научным сборником 30-х — «Против буржуазной контрабанды в языкознании».

С точки зрения самих советских ученых — историко-филологов — они действительно противопоставляли себя западной буржуазной науке. В целевой установке коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольды О. М. Фрейденберг четко определяет позиции советской историко-филологической науки: «Постановка вопроса, данная Н. Я. Марром, порывает не только с формализмом, но и с теорией заимствования и теорией самозарождения... Отсюда — и тот разрыв с современной западной наукой... Из сборника будет видно, как западная буржуазная наука подходит сейчас к тем самым вопросам, которые встали перед группой... Когда группа познакомилась с такой постановкой вопроса на Западе, она увидела, что ей нужно подойти к материалу с совершен-

ной иной методологической позиции...» [Тристан и Иольда 1932: 6].

Советская и постсоветская научная анти-традиция, понимаемая как преодоление традиционных западных научных норм (напр. сравнительно-исторического языкознания), определяется не публичными дискуссиями писателя-сатирика-историка М. Задорнова и академика А. Зализняка. Она начинается с Н. Марра, О. Фрейденберг, И. Франк-Каменецкого, и продолжается сегодня А. Фоменко. Все они стремятся преодолеть, как им представляется, западную формализованную институционализированную научность как таковую и создать некоторую альтернативную отечественную научную структуру, воспринимающуюся как свободная от «зашоренности».

Во вступлении к своему разделу коллективного исследования о Тристане и Иольде Б. В. Казанский будет говорить о «бессилии западного историко-литературного исследования перед подобной проблематикой...», о том, что «господствующая историко-литературная школа и ее позиция носят антикварный характер», о том, что «анализ методологических предпосылок историко-литературного понимания господствующей школы (здесь в одном ряду упоминаются Гольтер, Бедье и Шепперле) вскрывают тройной порок, заложенный в них и восходящий к общим идеалистическим основам буржуазной исторической науки: фетишизму перед свидетельством о данности (документальным фактом), неизбежно сочетающемуся с агностицизмом по отношению к самой исторической реальной данности и к существу сюжета, как литературного явления, и с механизмом в понимании возникновения и оформления сюжета, сопряженным естественно с индивидуалистической концепцией этого процесса...», о том, что «„историческая“ школа литературоведения на самом деле является антиисторической, и предпосылки ее должны быть безусловно отвергнуты советской научной мыслью» [Тристан и Иольда 1932: 119—120].

Советская историко-филологическая наука с самого начала конституируется как отрицающая западную науку в ипостаси единственно верного знания. Последний из актуальных примеров тому — это публикация В. Писанова о М. Фасмере и его словаре в «Литературной газете» от 21 марта 2018 г. — «Бомба, заложенная Максом Фасмером»: «Словарь Фасмера — идеологическая диверсия, гуманитарная бомба, осколки которой долетели до наших дней и укоренились в сердце российского языкознания» [Писанов 2018].

На первый взгляд может показаться, что перед нами вполне симметричная структура: по одну сторону расположена западная на-

учная гуманитарная традиция, по другую — советская и постсоветская историко-филологическая наука. Однако симметрия эта мнимая, поскольку советская и постсоветская традиция не просто предстает как логически аргументированная анти-традиция в результате типологического сравнения с западной. Она принудительно идеологически конституируется как таковая с самого начала вне эпистемической традиции. Если про марровскую школу можно сказать, что она попыталась научно обосновывать идеологию новой советской историко-филологической парадигмы, то сегодняшние авторы открыто заявляют исключительно об идеологических основаниях отхода или преодоления западных научных норм гуманитарного историко-филологического знания. Правда, и то, и другое — это актуализация традиции русской лингвокультуры, можно сказать, одна из ее констант. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» В. Г. Белинский напишет, что история русской литературы, как и история самой России, «не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собой зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятным, почти бессмысленным, как скоро на нее будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу <...> Русская литература существует всего каких-нибудь сто семь лет, а между тем в ней уже есть несколько произведений, которые потому только и интересны для иностранцев, что кажутся им не похожими на произведения их литератур, следовательно, оригинальными, самобытными, т. е. национально русскими. Но в чем состоит эта русская национальность, — этого пока еще нельзя определить» [Белинский 1955: 7—8, 21].

Таким образом, «анти» рассматриваемой анти-традиции состоит в том, что советская и постсоветская гуманитарная историко-филологическая наука постоянно нарушает те жанровые, повествовательные и прочие гуманитарные дискурсивные конвенции, с которыми сама себя соотносит. А это происходит постоянно: ведь советская филология жила в отталивании от западных образцов, их принятии или в их копировании [Базылев 2014].

У Н. Я. Марра и его последователей это оформилось как отрицание, в первую очередь, сравнительно-исторического подхода и, далее, отрицание истории как науки, построенной по европейским шаблонам. У А. Т. Фоменко — как отрицание западно-европейской исторической парадигмы в форме отрицания скалигеровской хронологии в целом и, далее, как отрицание сравнительно-исторического подхода к языку.

ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ ГЕРОИНИ ЛЮБВИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ С БОГИНЕЙ МАТРИАРХАЛЬНОЙ АФРЕВРАЗИИ ДО ПОИСКА ОТВЕТА НА ВОПРОС — КАК ЭТО БЫЛО?

Конечно, ставить знак равенства между идеологической подоплекой исследовательской практики у Н. Я. Марра и его учеников — в первую очередь О. Фрейденберг, И. Франк-Каменецкого — и А. Т. Фоменко некорректно. Если цель схожа, то задачи разнятся. Тем не менее общность их сомнений относительно историко-филологического потенциала европейской науки представляется достаточно очевидной.

«Когда группа познакомилась с постановкой вопроса на Западе, она увидела, что ей нужно подойти к материалу с совершенно иной методологической позиции. На готовое литературное явление следовало реагировать вопросом о происхождении самой литературы, и отвести ей, как надстройке определенных исторических стадий, надлежащее место; творчеству отдельных авторов предстояло противопоставить общественную идеологию, их приемам заимствования — одинаковую стадию развития, которая создала десятки вариантов, аналогий, параллелей одного и того же сюжета» [Тристан и Иольда 1932: 6—7].

Сто лет спустя А. Т. Фоменко прямо укажет на причины: «После масштабных „скапировских чисток“ первоисточников не стоит удивляться, что многие первоисточники исчезли... Истреблялась память о правильной истории» [Фоменко 2018: 595]. Напомним, что А. Т. Фоменко, продолжая и развивая гипотезы акад. Н. А. Морозова (1854—1946) и М. М. Постникова (1927—2004), пишет о том, что существующая хронология исторических событий в целом неверна, что письменная история человечества значительно короче, чем принято считать, и не прослеживается далее X в. нашей эры, а древние цивилизации и государства Античности и раннего Средневековья являются «фантомными отражениями» гораздо более поздних культур, появившимися в текстах из-за неправильного (ошибочного или тенденциозного) прочтения и интерпретации источников. Реконструкция истории человечества предполагает существование в Средние века гигантской империи с политическим центром на территории Руси, охватывающей почти всю территорию Европы, Азии и Америки.

На этом фоне становится понятным: существующие историко-литературные типологии всех не устраивают. Литература находится вне истории, она рассматривается как эпифеномен. Внутренние же типологии ос-

новываются на имманентном анализе литературных текстов.

Так у А. Т. Фоменко: «Оказывается, в образе Тристана переплелись сведения об императоре Андронике-Христе из XII века, он же князь Андрей Боголюбский, он же частично — античный Геракл и частично египетский Гор. Кроме того, сюда же были добавлены рассказы о святом Георгии Победоносце, он же частично египетский Гор, он же царевич Исаак Комнин, он же библейский Иосиф — муж Марии Богородицы из XII века. Заметный вклад в образ Тристана дала также яркая ветхозаветная история Иосифа Прекрасного из эпохи XIV—XVI веков <...> В образе Иольды переплелись сведения о Марии Богородице из XII века, она же египетская богиня Изиды, сестра и жена египетского бога Гора, а также мать Гарпократа, то есть Гора-ребенка, то есть, частично, — Христа» [Фоменко 2018: 21].

По сути, это завершение той работы, которая была начата в 20-е годы. Ее задача — наметить социогенез изучаемого сюжета, выявить его как естественный и закономерный продукт общественного развития. Результаты 20-х гг., разумеется, были скромнее, но не менее идеологически определенными.

«Стадиальный подход еще больше размежевал яфетидологию с предшествующими ей теориями: там, где видели заимствование, палеонтологический анализ обнаруживал одинаковую идеологическую конструкцию... <...> История сюжета, как такового, независимо от своеобразного оформления его в поэзии или фольклоре данного народа, ничего общего не имеет с литературой... Литературное произведение в целом отражает идеологию, свойственную данной социальной среде. Но для оформления этой идеологии в сюжетном построении могут быть использованы мотивы и детали, генетически восходящие к весьма различным стадиям социального развития...» [Тристан и Иольда 1932: 5, 262].

В любом случае, однако, историко-типологическая модель выстраивается за счет нейтрализации тех элементов текста, которые не вписываются в запросы и потребности идеологизации науки — идеологического заказа общества. При этом основой этого выступает набор нормативных установок, на который сознательно ориентируется ученый.

Установка 20-х гг. XX в., новое учение о языке, объявляет традиционное сравнительно-историческое языкознание буржуазной наукой, обеспечивающей идеологическую поддержку колониализма и расизма:

«Сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой» [Марр 1936: 31]. Установка 20-х гг. XXI в., новая хронология, объявляет западноевропейскую историю не соответствующей реальности из-за преднамеренных фальсификаций, которые постоянно проводятся по заказу или при одобрении различных политических сил. При таких фальсификациях, по словам А. Т. Фоменко, изготавливаются подложные документы, уничтожаются или правятся источники, содержащие нежелательные сведения [Фоменко 2009].

Именно это делает оба текста специфически советскими и постсоветскими. Они смещаются относительно своего места в истории науки. Закономерно, что они строятся как демонстрация отклонения их поэтики от нормативных установок своего времени — 20—30-х гг. или начала 2000-х. Поэтому яфетидология не принималась представителями сравнительно-исторического языкознания, даже советского, в лице Е. Д. Поливанова, который в 1929 г. в Комкадемии выступил против школы марровцев с критическим докладом «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Не принималась она структуралистами 20—30-х гг. в лице евразийцев, того же Н. С. Трубецкого [Серио 2001: 165—175]. После сталинской дискуссии по вопросам языкознания, как всем хорошо известно, она была официально отвергнута советскими академическими кругами. Новая хронология не принимается постсоветской академической наукой, будь то лингвистика, математика, астрономия и под. РАН квалифицировала в целом новую хронологию как лженауку: в отчете РАН за 2000 г. указывалось, что новая хронология продемонстрировала свою полную несостоятельность, а ошибочность теории А. Т. Фоменко доказана окончательно [Базылев 2012: 22—23].

Ситуация внутри советской и постсоветской истории и филологии, как видим, характеризуется своеобразной внутренней стабильностью, поскольку существование в сознании научного сообщества авангардной историко-филологической схемы обеспечивает подобные исследования набором концепций для опровержения и придает им эффективность революционного открытия.

Так, М. Г. Тихой-Церетели, начиная анализ грузинского материала, отметит, что «уже в самой формулировке темы дается установка на то, что на таком большом отрезке времени и на такой обширной терри-

тории яфетический Кавказ с его богатым фольклором никак не может быть забыт или обойден» [Тристан и Иольда 1932: 137].

Подобная историко-филологическая интерпретация литературных памятников не только не может структурироваться в научной логике, но просто обязана по законам жанра содержать риторические разрывы внутри текста — разрывы, которые не могут быть сняты через переход на более абстрактный уровень интерпретации. Теоретическим проектом, в котором был разработан такой тип интерпретации, была идея семантического пучка Н. Я. Марра и его учеников.

На это в итогах коллективной работы специально укажет И. Г. Франк-Каменецкий: «В данном случае мы имеем дело с смысловым тождеством 'брака', 'борьбы', 'исцеления' или 'любви', 'смерти' и 'возрождения' в их семантической увязке с определенным кругом космических явлений ('небо' + 'вода', 'свет', 'огонь', 'растительность'), а также с рядом звериных образов ('дракон', 'собака', 'птица' и т. д.). Очерченный семантический пучок, с присущими отдельным звеньям его дериватами, охватывает всю совокупность мотивов, характеризующих изучаемый нами сюжет на всем протяжении его истории, во всем многообразии его разностадийных эквивалентов» [Тристан и Иольда 1932: 270].

100 лет спустя А. Т. Фоменко напишет: «Новая хронология помогает разобраться в проблеме и восстановить подлинное содержание, забытый „скелет сюжета“, который оказывается исключительно интересным. В итоге, чтение тысячи страниц „Тристана и Иольды“ становится захватывающе увлекательным <...> Вот теперь многое становится понятным. Нам уже хорошо знаком хронологический сдвиг — ошибки в датировке — на сто или сто пятьдесят лет в истории Европы. Выходит, что фактически сага о Тристане начинается свою „письменную“ жизнь где-то в конце XVII — начале XVIII века» [Фоменко 2018: 18].

Таким образом, специфика, объединяющая марровский и фоменковский научные подходы, заключается в сопротивлении традиционной буржуазной западной историографии (скалигеровской) и филологии (сравнительно-исторической). Дело в том, что перед советской и постсоветской историко-филологической наукой стояли и стоят иные задачи по сравнению с историей и филологией западноевропейской, а именно — заявить и обосновать истинную (без кавычек) миссию России (советской и постсоветской) в мире.

Ретроспективно уместно будет напомнить и о филологических эссе А. К. Югова 60—70-х гг.,

и об исторических опусах Н. С. Державина 30—40-х гг. Статья А. К. Югова «Родина Ахиллеса» была написана в начале 60-х и впервые была опубликована в 1962 г. («хрущевская оттепель»), затем без каких-либо изменений она вошла в сборник 1972 г. («эпоха брежневского застоя»). Вот завершающий фрагмент статьи: «— Ну, хорошо, будем считать доказанным, что Ахиллес — князь Древней Руси,— что же нам-то в этом?! — буквально так сказал мне еще тогда, на докладе, один из приглашенных гостей, типичный представитель „желудочно-полового космополитизма“, по выражению Салтыкова-Щедрина. Ответ на подобный вопрос был дан более ста лет назад Виссарионом Белинским: „Ахилл выше всех других героев целую голову... Ахиллес представляет совокупность субстанциональных сил народа... Это герой поэмы по праву: великая геройская душа его обитает в прекрасном, богоподобном теле; мужество слилось с красотой в лице его; в движениях его величавость, грация и пластическая живописность; в речах его благородство и энергия. Не диво, что боги и сама судьба помогают ему; не диво, что одно появление его, безоружного, на валу и трехкратный крик обратили в бегство войско троян. Он есть центр всей поэмы: его гнев на Агамемнона и примирение с ним дали ей завязку, начало, середину и конец. Гневный, он сидит в бездействии в своей палатке, играя на златострунной лире, не участвуя в боях; но он ни на минуту не перестает быть героем поэмы, в ней все от него исходит и все к нему возвращается. Но это потому, что он присутствует в поэме не от себя, а от лица народа, как его представитель“. О, если бы и Виссариону Григорьевичу дано было знать: представителем какого народа является Ахиллес! И что „Илиада“ без Ахиллеса?! „Илиада“ — это ахиллиада! Так неужели нам и ныне безразлично то обстоятельство, что величайший представитель мировой поэзии на протяжении тысячелетий, „божественный Омир“ русского, тавроскифского князя избрал главенствующим героем древнегреческой поэмы? Но ведь и о народах речь! Мы знаем теперь, что воззрения Ломоносова, его гневный отпор ругателям русского народа, таким, как „господин Миллер“, подтверждены были историко-археологическими исследованиями не только в прошлом веке, но еще более — в наше, советское время. Многие из высших представителей отечественной науки, слависты и эллинисты, принимают ныне сторону академика Васильевского в вопросе о соотношении античного (древнегреческого и римского) мира с древнерусским, ему современным.

Назовем хотя бы следующие имена: Греков, Рыбаков, Тихомиров, Третьяков, Удальцов, Пассек. Историко-материальный анализ событий Гомеровской Греции, а в частности, событий Троянской войны дает нам право утверждать, что мы, русские, являемся не только „первонаследниками Эллады“, через посредство Византии, но и гораздо ранее возникновения самой Византии, мы, русские, а с нами вместе и славянство, были соучастниками, сотворцами великой Средиземноморской античной культуры. В свете историко-археологических и лингвистических исследований перед нами явственно предстает единство и взаимодействие на протяжении тысячелетий Средиземноморского и Черноморского древнего мира» [Югов 1972: 201—202].

Это то самое «среднее» звено советской историко-филологической мысли, которое связывает в единое целое постмарровское новое учение о языке и новую хронологию. Если же попытаться восстановить недостающее звено в поисках идеологически правильных ответов в период собственно марровский, то можно обратиться к книге акад. Н. С. Державина «Происхождение русского народа», изданной в 1944 г., в которой можно прочесть следующее: «Начиная приблизительно с VIII в. до н. э. и вплоть до II в. н. э., на территории современного украинского народа СССР живет группа племен, известная у древних авторов под общим названием скифы и именуемая самих себя скелотами. В этом последнем племенном термине Н. Я. Марр, как известно, видел протооснову термина скловен, рассматривая его основу „скло-“ как стяженную форму основы „сколо-“. Скифская проблема — это огромная проблема в смысле своего материала. Но она огромна и в смысле своего значения для разрешения вопроса о происхождении русских славян. Без учета кимерско-скифского материала нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что кимеры и скифы продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках настолько значительным культурным вкладом, что Н. Я. Марр имел все основания утверждать, что „славянский, понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее — кимерский“ <...>. Мысль о том, что западные, оседлые, земледельческие скифы были славянами, в свое время усердно, на основании веских доводов поддерживалась одним из лучших знатоков скифских древностей, русским историком акад. А. С. Лаппо-Данилевским (1887 г.). <...> В халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX—VII вв. до н. э.,

т. е. к тому же времени, о котором идет у нас сейчас речь, когда мы говорим о скифах, имеется, до показанию Н. Я. Марра, между прочим, слово *rii* — камень, которое в усеченной форме *ri-* присутствует у халдов же в составе слова *kar-ri*, чаще *kar-i* — камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении значит крепость, замок. Такого же происхождения и русское кремль. Вторая составная часть племенного наименования сармат — сармар отложилась в черемисском *mar* в значении человек, муж и т. п. По мнению некоторых исследователей, название народа меря есть славянское изменение слова *мари*» [Державин 1944: 10—16].

Как видим, история 40-х годов — это еще одно звено в непрерывающейся цепи советской историко-филологической науки в поисках правильных ответов на идеологические запросы общества.

Вряд ли в данном случае можно говорить о научной истории в европейском ее понимании. Это, скорее, непрерывная историсофская традиция. Русская историсофия изначально считала своей миссией ответить на вопросы о духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства. Целью было и остается обретение имени и хронотопа, т. е. времени и места включения и пребывания Руси-России во всемирной истории. Эти поиски были изначально подчинены так называемой «яфетической константе». Не случайно Н. Я. Марр вернет в метаязык филологии некогда бытовавший и в европейской, и в русской филологии термин «яфетический», актуализирует его. Возведение славянства и Руси к «Иафетову колену» в «Повести временных лет» создало ветхозаветный образец историсофии, сохранившийся в неизменном виде до петровских времен. Позже этот образец, по законам лотмановской семиосферы, оказался востребованным не только в XVII—XVIII вв. (от трудов Тредиаковского до первого опыта словаря Шишкова), но и в XIX—XX вв. (в середине XIX в. к концепции «яфетических языков» возвращается И. И. Срезневский, и далее — от яфетидологии 20—40-х гг. XX вв. до работ О. Н. Трубачева конца XX в.). Эту мысль автор сформулировал в своем выступлении на историко-культурном семинаре «Авраамиевская седмица» [Базылев 2017].

Нет никаких разрывов, есть, по крайней мере, как мы это видим в XX в., преемственность историко-филологического исследования, отказывающегося от классического реализма. Осознание того, что реальность

зависит от системы описания, ведет к риторической организации неких пропозиций в сюжет, подчиненный той или иной жанровой модели. Вопрос о том, «что же случилось на самом деле», во многом заменяется вопросом о дискурсивной организации описывающих это «на самом деле» текстов.

Так это происходит, например, в материале Т. С. Пассек о мотивах Тристана и Исольты в русской сказке: «Основные мотивы сказания о Тристане и Исольте <...> — все эти мотивы до мельчайших деталей совпадают с таковыми же в разнообразном материале русских сказок. Но поражает даже не это обстоятельство, а то, как ясно в этих двух сюжетных схемах выражен тот же семантический стержень... В русской сказке Исольта предстает в женском образе воинственной красавицы Василисы» [Тристан и Исольта 1932: 214—215].

Сегодня подобный «семантический стержень» идеологически более актуализирован по сравнению с исходной исторической точкой отсчета. У А. Т. Фоменко читаем: «Сегодня многие знакомы с русскими святыми — князем Петром и княгиней Февронией Муромскими, в том числе и по государственному празднику „Всероссийский день супружеской любви и верности“ <...> Так вот, русская повесть о Петре и Февронии — это рассказ о Христе, Георгии Победоносце (Иосифе) и Марии Богородице, дубликатом этой повести является западноевропейское сказание о Тристане и Изольде» [Фоменко 2018: 301—303]. Обратим внимание: западноевропейский текст — это дубликат текста русского.

В результате моделью для историографии становится не традиционное литературоведение, в первую очередь нарратология и риторика. По словам Х. Келлнера, говоря как о традиционных, так и о нетрадиционных, «синхронистических» и «структурных» видах историографии, «на самом деле все истории основаны на *нарративности*, которая гарантирует, что репрезентируемое будет „содержать в себе“ смысл» [Kellner 1987: 29].

Смысл, действительно, присутствует: согласно идеологической установке А. Т. Фоменко, «современные историки (читай — историки, ориентированные на западную научную парадигму), сбивые с толку ошибочной скалигеровской хронологией, неверно понимают направление заимствований <...> они пугаются прямого старинного указания на славянские корни Тристана и пытаются успокоить читателя тем, что это, возможно, всего лишь результат ошибок летописцев» [Фоменко 2018: 595]. Это — сегодня, а сто лет назад идеологические уст-

ремления были более скромными: исследуя не только германский, эгейский, русский, кельтский и под. материал, но и мордовский, нартский, грузинский, филологи марровской школы претендовали на изучение социального базиса сюжета, исходя из надстроечных категорий [Тристан и Иольда 1932: 184].

Но и тогда, и сейчас в качестве исторического поля выступает совокупность текстов — литературных, фольклорных, реальных и реконструированных. Однако соотношение риторики интерпретации этого поля, т. е. интерпретации текстов, с риторикой историко-литературного сюжета оказывается далеко не тривиальным.

«Начальным стержнем истории Тристана и Иольды является рассказ о Христе и Богородице, причем в ветхозаветной версии Адама и Евы. При этом, стареющий король Марк является отражением библейского ветхозаветного Бога-Отца. Любовный напиток, который выпили Тристан и Иольда и который вверг их в безграничную любовь и страдания, это — слегка преломленный библейский сюжет о запретном плоде (якобы яблоке) <...> Именно та версия и составила суть оперы Вагнера... Поэтому было бы уместно на афишах, перед началом оперы и в раздаваемых зрителям программах вкратце объяснять, что, в действительности, они сейчас прослушают замечательную оперу об Андронике-Христе (Андрее Боголюбском) — Тристане и Марии Богородице — Иольде» [Фоменко 2018: 599].

Из анализа мифологем Средиземноморья, предпринятого О. М. Фрейденберг, следует, что «палентология сюжета говорит нам о том, что король Марк, во всяком случае, — столько же 'муж' Иольды, сколько и ее 'отец', Ирландский король, сколько Моролът и 'дракон', от которого зависит владение Иольдой» [Тристан и Иольда: 109].

Обратим внимание на то, что тексты в коллективном труде сектора семантики мифа и фольклора и тексты А. Т. Фоменко и его соавторов изобилуют более или менее эксплицитными указаниями на источники. Но в несколько разном порядке: у марровцев — синхронно, как стадийные срезы; у фоменковцев — диахронически. Но и в том, и в другом случае этот порядок незаметно преобразуется в «историческую» последовательность: стадийную у авторов коллективной монографии о Тристане и Иольде и реконструируемую у А. Т. Фоменко с одним общим фрагментом, который можно обозначить как коллаж или бриколаж (в духе К. Леви-Стросса). Вот наглядные тому примеры.

«Разные литературные редакции сказания о нибелунгах, равно как о Тристане и

Иольде, надо рассматривать как различные, в зависимости от общественного строя Западной Европы, оформления одного и того же литературного материала, восходящего в конечном итоге к мифу о богине любви — Иштарь. Специально по отношению к нибелунгам интересно, что сказание о них локализуется в прирейнской местности, где мы нашли так много следов культа богини матери-воды Иштарь», — так будет писать В. А. Брим об Иштарь-Иольде по германским материалам [Тристан и Иольда 1932: 46].

«Как мы покажем в настоящей книге, легенда о Тристане и Иольде содержит яркие и важные дубликаты из библейской истории XII—XVI веков. И таких дубликатов много. Начнем с ветхозаветного повествования о Иосифе Прекрасном. Первоисточниками этого сюжета являются: история Энея-Рюрика из XIII века. Затем — история Иосифа Волоцкого, знаменитого святого Русской Церкви из XV века. Наконец — события XVI века, связанные с Дмитрием-Мардохеем, сыном Елены Волошанки, то есть библейской Есфири» [Фоменко 2018: 28—29].

Анализируемые историко-филологические исследования соответствуют двум различным моделям решения актуальной идеологической задачи. Для 20-х годов задача историко-филологической науки — это внедрение в словесность сродственных (гетевское «сродство» — *Wahlverwandschaften*) социальных факторов: «...группа искала не аналогий, но стадийных эквивалентов... это прием не сравнения, а отличия» [Тристан и Иольда 1932: 7]. Напротив, для сегодняшнего дня это освобождение словесности от чуждых ей исторических идей, несущих в себе гибельный для научного поиска с конкретным социальным заказом дух объективированности. Но поскольку и тогда, и сейчас исследователи занимаются не историей идей, а историей текстов, они по необходимости сталкиваются с тем, что внешние идеологические факторы, безусловно, влияют на историко-филологические исследования, но не контролируют их смысл.

Поэтому и тексты марровцев, и тексты фоменковцев воспринимаются как лишённые смысла, но только смысла научного, будь то критика лингвистических опусов А. Фоменко академиком, филологом А. А. Зализняком, или критика марровского четырехэлементного анализа со стороны его же современников, филологов Т. П. Ломтева и П. С. Кузнецова. Но они не лишены смысла идеологического. По мнению И. Герасимова, новая историко-филологическая наука в СССР формировала предпосылки для описания и анализа многоуровневого разнообра-

разия имперской ситуации [Герасимов 2017: 144]. Ведь социальный контекст не определяет научную риторичность историко-филологического текста извне, а проявляется в ней как ее составная часть; он вписан в его риторическую структуру, но не покрывает ее целиком. Научная риторика историко-филологических тестов научной школы Н. Я. Марра и А. Т. Фоменко, несмотря на внешнюю прозрачность их текстов, вполне отвечает характеристике Ж. Бодрийяра в том, что «на глубоком уровне каждый сознает произвольность, искусственный характер истории... тот факт, что сама история, на глубоком уровне, всегда была огромной имитационной моделью» [Baudrillard 1994: 6—7].

При этом для ситуации 20-х годов ответ на социальный заказ означает непосредственный выход к действительности. Действительность же предстает как «некий универсальный закон», как превалирование социальной реальности, как «выход в широкую историческую современность» [Тристан и Иольда 1932: 7].

Подводя итоги коллективной работы над сюжетом Тристана и Иольды, И. Г. Франк-Каменецкий напишет: «Поскольку весь процесс в конечном итоге обусловлен развитием производительных сил и производственных отношений, палеонтология сюжета — семантическая и „морфологическая“ — выявляет социогенез сюжета, как одного из основных элементов поэтического творчества, в его закономерном становлении и развитии на почве последовательной смены форм общественного уклада» [Тристан и Иольда 1932: 276].

Совершенно иначе истолковывает тексты А. Т. Фоменко. Он во исполнение социального заказа произвольно конструирует (реконструирует) нарративные последовательности. А. Т. Фоменко выстраивает исследование сюжета Тристана и Иольды как освобождение от социальной объективной конструкции ради достижения идеологической цели. Правда, и переход к практике осуществляется им в несколько ином формате: в формате превращения истории в явление массовой культуры, в фолк-историю. И это за счет того, что публикации о новой хронологии превратились в издательский проект, ориентированный на широкие массы читателей, преследующий просветительно-пропагандистские цели. Однако напомним, что основным отделом Яфетидологического института 1921 г. был отдел педагогическо-пропагандистский. Разумеется, размах изданий и объем читательской аудитории тогдашним советским ученым и не мог меч-

таться. Но и у прежнего, и у нынешнего читателя, из-за эффекта коллажа, как мы отметили выше, остается впечатление внутренней противоречивости новых научных историко-филологических текстов. Они снова и снова дают повод для дискуссии и проблематизации научных исследований гуманитарного толка в целом.

Если интерпретации марровцев максимально текстуальны и основываются на вполне структуралистском понимании природы языка, то интерпретации у А. Т. Фоменко носят, скорее, герменевтический характер. А. Т. Фоменко редко обращается к конкретным текстам. В отличие от марровцев он предпочитает практику реферативного предъявления материала, потому что конкретика в его историко-филологических штудиях в принципе не согласуется с представлением о всеобъемлющей релятивности, вытекающей из анализа текстов. Но и в том, и другом случае мы сталкиваемся с несопадением риторики истории с риторикой интерпретаций текстов.

Историко-филологическое исследование по Н. Я. Марру — это вовсе не выявление некоей универсальной истины о действительности. Цель — усиление социальной «инструментированности» и антропологизма, стремление через литературу выйти к закономерностям исторической действительности. По А. Т. Фоменко, движение истории литературы, осмысленное как переход от аллегорического к символическому тексту, оказывается направлено в сторону все большего прозрения релятивности любой выраженной в языке истины о человеке и все более полной деконструкции понятия человеческой природы.

При этом, перефразируя П. Серию, их объединяет общее неприятие Запада в давнем страдании по поводу национальной идентичности — страдании, которое не отпускает русскую душу после болезненных реформ Петра Великого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может показаться парадоксом, но все, что происходило и происходит в советской и постсоветской историко-филологической науке, может быть понято через ту же западную историко-филологическую науку. В своем интервью о литературе Ж. Деррида отметил, что «необходимость историчности не означает, что все чтение или все письмо историзировано, т. е. принадлежит историкам <...> Писатель может быть невежественен или наивен по отношению к исторической традиции, которая ему довлеет, или которую он трансформирует, изобретает, смещает.

Но мне хотелось бы знать, не трактует ли он историю, даже при отсутствии исторической осведомленности или знаний, в соответствии с опытом, который значимее, живее, не-обходимее, так сказать, чем опыт некоторых профессиональных историков, наивно занятых объективацией содержания науки» [Деррида 2000: 54—55].

Тем самым история, вопреки распространенному представлению, всегда находилась в центре политического социального проекта государства и в принципе должна рассматриваться как одна из ее главных целей. При этом, — продолжая цитировать Ж. Деррида, — «эта цель может быть достигнута в первую очередь через процедуру критического чтения». По его словам, «читатель должен, с одной стороны, отдавать себе отчет в сознательных, желаемых, интенциональных отношениях, которые автор устанавливает в своем обмене с историей, а с другой — принимать во внимание то, что автор пишет на таком языке и в рамках такой логики, собственную систему, законы и жизнь которых его дискурс, по определению, не может себе полностью подчинить, и чтение должно всегда быть нацелено на определенное отношение, не воспринимаемое автором, между тем, что он контролирует, и тем, что он не контролирует в используемом им языке <...> то отношение — не конкретное количественное распределение тени и света, слабости или силы, а означающая структура, которую критическое чтение должно продуцировать» [Деррида 2000: 158].

Новое учение о языке было глобальным проектом 20—30-х гг., фрагментом новой советской истории. Новая хронология — это проект нового времени тоже по созданию новой русской истории. Проект вовсе не единичный и вдохновляющий не только историков, но и филологов. Проявлением этого можно считать проект О. Н. Трубачева, посвященный этногенезу славян. Он изначально воспринимался в академической среде неоднозначно: с одной стороны, говорилось о «впечатляющем пересмотре всех существующих лингвистических данных и известных гипотез», с другой, о том, «что ни топонимия, ни лингвистика, ни археология не свидетельствуют в пользу его теории», вплоть до мнения, что «все это — фактическое возрождение донаучных взглядов XIX века» [Трубачев 2013]. Как видим, ничего принципиально нового в риторике оппонентов не слышится.

Ясно одно: при решении идеологически важной задачи, поставленной обществом перед учеными, история не исчезает из ли-

тературоведения и vice versa, не потому, что литературная историография не научна, а потому, что сама литература всегда имеет историческую перспективу. Именно в этом смысле мы склонны понимать несколько загадочный финал статьи де Мана «Литературная история и литературная модерность», в котором автор пишет: «Чтобы стать хорошими историками литературы, мы должны помнить, что то, что мы обычно называем историей литературы, имеет мало отношения к литературе, или вообще не имеет к ней отношения, а то, что мы называем литературной интерпретацией, на самом деле и есть история литературы. Если мы расширим это понятие за пределы литературы, оно лишь подтвердит, что основания для исторического знания — не эмпирические факты, а письменные тексты» [Ман 2002: 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев, В. Н. В борьбе за советскую лингвистику / В. Н. Базылев. — Москва : Изд-во СГУ, 2014. — 380 с. — Текст : непосредственный.
2. Базылев, В. Н. Историософия Руси-России: «яфетическая» константа» / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Авраамиевская седмица. Историко-культурный семинар. — Смоленск : Смоленский ГУ, 2017.
3. Базылев, В. Н. Криптолингвистика / В. Н. Базылев. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 277 с. — Текст : непосредственный.
4. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. / В. Г. Белинский. — Текст : непосредственный // Взгляд на русскую литературу 1846 г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. — Москва : Гослитиздат, 1955. — 184 с.
5. Бибихин, В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев / В. В. Бибихин. — Москва : Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2004. — 416 с. — Текст : непосредственный.
6. Бойм, С. Общие места / С. Бойм. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 320 с. — Текст : непосредственный.
7. Вайль, П. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 432 с. — Текст : непосредственный.
8. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — 368 с. — Текст : непосредственный.
9. Герасимов, И. Гибридность: Марризм и вопросы языка имперской ситуации / И. Герасимов, С. Глебов, М. Могиленер. — Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2 (144). — С. 144—186.
10. Державин, Н. С. Происхождение русского народа / Н. С. Державин. — Москва : Государственное издательство «Советская наука», 1944. — 124 с. — Текст : непосредственный.
11. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — Москва : Ad Marginem, 2000. — 512 с. — Текст : непосредственный.
12. Лосев, А. Ф. Античный космос и современная наука / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1993. — 650 с. — Текст : непосредственный.
13. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. — Москва : Политиздат, 1991. — 525 с. — Текст : непосредственный.
14. Ман, П. де. Слепота и прозрение / П. де Ман. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2002. — 256 с. — Текст : непосредственный.
15. Марр, Н. Я. Избранные работы. В 5 т. Т. 3 / Н. Я. Марр. — Москва ; Ленинград : ГСЭИ, 1936. — 442 с. — Текст : непосредственный.

16. Писанов, В. Л. Мина, заложенная Максом Фасмером, или На каком языке мы говорим / В. Л. Писанов. — Текст : непосредственный // Литературная газета. — 2018. — № 12 (6636). — С. 16.

17. Серио, П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—30-е гг. / П. Серио. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 360 с. — Текст : непосредственный.

18. Тристан и Изольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африки : коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под редакцией академика Н. Я. Марра. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1932. — 286 с. — Текст : непосредственный.

19. Трубаев, О. Н. К истокам Руси. Народ и язык / О. Н. Трубаев. — Москва : Алгоритм, 2013. — 304 с. — Текст : непосредственный.

20. Фоменко, А. Т. Славянское завоевание мира / А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 720 с. — Текст : непосредственный.

21. Фоменко, А. Т. Как было на самом деле. Курган Христа и Богородицы. Тристан и Изольда / А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 672 с. — Текст : непосредственный.

22. Фомин, В. В. Норманистская сущность «Советского антинорманизма» / В. В. Фомин. — Текст : непосредственный // Исторический формат. — 2018. — № 3-4. — С. 98—164.

23. Югов, А. К. Родина Ахиллеса / А. К. Югов. — Текст : непосредственный // Думы о русском слове / А. К. Югов. — Москва : Советский писатель, 1972. — С. 183—202.

24. Baudrillard, J. L'illusion de la fin ou la grève des événements / J. Baudrillard. — Paris : Gallimard, 1992. — 173 p. — Text : unmediated.

25. Kellner, H. Language and Historical Representation / H. Kellner. — Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1989. — 339 p. — Text : unmediated.

V. N. Bazylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

“Tristan and Isolde”: From the Japhetic Theory of Language to the New Chronology (To the 100th Anniversary of the Beginning of the Soviet Ideological Scientific Historico-Philological Discourse)

ABSTRACT. *The article is devoted to a peculiar anniversary – the centenary of the beginning of the formation of the Soviet ideologically oriented historical and philological discourse. In 1921 The Institute of japhetidological research was established in the system of the Academy of Sciences, which was headed by Acad. N. Marr. One of the most important works of the Institute was the collective investigation on the story of Tristan and Isolde, which proved the right of the Soviet historical and philological science to rewrite history in a new way. A hundred years later, the same story was investigated by A. Fomenko within the framework of the new chronology paradigm with the same goal – to defend the right of the post-Soviet science to correct the world history. These are two fragments in the search for the national identity with the aim to create the ethnic history based on Language and Literature. A comparative analysis of two texts-studies of the story of Tristan and Isolde in the Indo-European, Semito-Hamitic and Finno-Ugric linguocultures shows that N. Marr and his followers rely on the negation of the comparative-historical approach and of history as a science built on European templates. A Fomenko denies the Western European historical paradigm, which leads to the negation of the comparative-historical approach to language. When solving the ideological task set by society for scientists, literature and language do not disappear from history, because literature and language always have a historical retrospective and perspective.*

KEYWORDS: *japhetidology; new chronology; historico-philological discourse; soviet ideology; national self-consciousness; ethnic history; literary plots; comparative analysis; text-study.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, Professor, Doctor of Philology, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bazylev, V. N. “Tristan and Isolde”: From the Japhetic Theory of Language to the New Chronology (To the 100th Anniversary of the Beginning of the Soviet Ideological Scientific Historico-Philological Discourse) / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 10-21. — DOI 10.26170/pl20-04-01.*

REFERENCES

1. Bazylev, V. N. In the Struggle for Soviet Linguistics / V. N. Bazylev. — Moscow : SSU Publishing House, 2014. — 380 p. — Text : unmediated. [V bor'be za sovetzkuyu lingvistiku / V. N. Bazylev. — Moskva : Izd-vo SGU, 2014. — 380 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Bazylev, V. N. Historiosophy of Russia-Russia: “Japhetic” constant” / V. N. Bazylev. — Text : unmediated // Avraamian Week. Historical and Cultural Seminar. — Smolensk : Smolensk State University, 2017. [Istoriosofiya Rusi-Rossii: «yafeticheskaya» konstanta» / V. N. Bazylev. — Tekst : neposredstvennyy // Avraamievskaya sedmitsa. Istoriko-kul'turnyy seminar. — Smolensk : Smolenskiy GU, 2017]. — (In Rus.)

3. Bazylev, V. N. Cryptolinguistics / V. N. Bazylev. — Moscow : Flinta : Science, 2012. — 277 p. — Text : unmediated. [Kriptolingvistika / V. N. Bazylev. — Moskva : Flinta : Nauka, 2012. — 277 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Belinskiy, V. G. A look at Russian Literature of 1846 / V. G. Belinsky. — Text : unmediated // Look at Russian literature 1846. Look at Russian literature 1847. — Moscow : Goslitizdat, 1955. — 184 p. [Vzglyad na russkuyu literaturu 1846 g. / V. G. Belinskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Vzglyad na russkuyu literaturu 1846 g. Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 g. — Moskva : Goslitizdat, 1955. — 184 s.]. — (In Rus.)

5. Bibikhin, V. V. Alexey Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev / V. V. Bibikhin. — Moscow : Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2004. — 416 p. — Text : unmediated. [Aleksy Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev / V. V. Bibikhin. — Moskva : Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy, 2004. — 416 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Boym, S. Common Places / S. Boym. — Moscow : New Literary Review, 2002. — 320 p. — Text : unmediated. [Obshchie mesta / S. Boym. — Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Vayl', P. The World of the Soviet Man / P. Weil, A. Genis. — Moscow : AST Publishing House, 2018. — 432 p. — Text : unmediated. [Mir sovetskogo cheloveka / P. Vayl', A. Genis. — Moskva : Izdatel'stvo AST, 2018. — 432 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Gadamer, G.-G. Relevance of the Beautiful / G.-G. Gadamer. — Moscow : Art, 1991. — 368 p. — Text : unmediated. [Aktual'nost' prekrasnogo / G.-G. Gadamer. — Moskva : Iskustvo, 1991. — 368 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Gerasimov, I. Hybridity: Marrism and Issues of the Language of the Imperial Situation / I. Gerasimov, S. Glebov, M. Mogil'ner. — Text : unmediated // New Literary Review. — 2017. — No. 2 (144). — P. 144—186. [Gibridnost': Marrizm i voprosy yazyka imperskoy situatsii / I. Gerasimov, S. Glebov, M. Mogil'ner. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe literaturnoe obozrenie. — 2017. — № 2 (144). — S. 144—186]. — (In Rus.)
10. Derzhavin, N. S. The Origin of the Russian People / N. S. Derzhavin. — Moscow : State Publishing House "Soviet Science", 1944. — 124 p. — Text : unmediated. [Proiskhozhdenie russkogo naroda / N. S. Derzhavin. — Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskaya nauka», 1944. — 124 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Derrida, J. About Grammarology / J. Derrida. — Moscow : Ad Marginem, 2000. — 512 p. — Text : unmediated. [O grammatologii / Zh. Derrida. — Moskva : Ad Marginem, 2000. — 512 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Losev, A. F. Antique Space and Modern Science / A. F. Losev. — Moscow : Mysl', 1993. — 650 p. — Text : unmediated. [Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka / A. F. Losev. — Moskva : Mysl', 1993. — 650 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Losev, A. F. Philosophy. Mythology. Culture / A. F. Losev. — Moscow: Politizdat, 1991. — 525 p. — Text : unmediated. [Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura / A. F. Losev. — Moskva : Politizdat, 1991. — 525 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Man, P. de. Blindness and Insight / P. de Man. — St. Petersburg : Academy of Humanities, 2002. — 256 p. — Text : unmediated. [Slepota i prozrenie / P. de Man. — Sankt-Peterburg : Gumanitarnaya Akademiya, 2002. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Marr, N. Ya. Selected Works. In 5 Volumes. Vol. 3 / N. Ya. Marr. — Moscow ; Leningrad : GSEI, 1936. — 442 p. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty. V 5 t. T. 3 / N. Ya. Marr. — Moskva ; Leningrad : GSEI, 1936. — 442 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Pisanov, V. L. Mina, Founded by Max Fasmer, or What Language we Speak / V. L. Pisanov. — Text : unmediated // Literary Newspaper. — 2018. — No. 12 (6636). — P. 16. [Mina, zalozhennaya Maksom Fasmerom, ili Na kakom yazyke my govorim / V. L. Pisanov. — Tekst : neposredstvennyy // Literaturnaya gazeta. — 2018. — № 12 (6636). — S. 16]. — (In Rus.)
17. Serio, P. Structure and Integrity. On the Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920—30s / P. Serio. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2001. — 360 p. — Text : unmediated. [Struktura i tselostnost'. Ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope. 1920—30-e gg. / P. Serio. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. — 360 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Tristan and Iseult. From the Heroine of Love of Feudal Europe to the Goddess of Matriarchal Afrevrasia: a collective work of the Sector of the Semantics of Myth and Folklore, edited by Academician N. Ya. Marr. — Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1932. — 286 p. — Text : unmediated. [Tristan i Isol'da. Ot geroini lyubvi feodal'noy Evropy do bogini matriarkhal'noy Afrevrazii : kollektivnyy trud Sektora semantiki mifa i fol'klora pod redaktsiey akademika N. Ya. Marra. — Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932. — 286 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Trubachev, O. N. To the Origins of Russia. People and language / O. N. Trubachev. — Moscow : Algorithm, 2013. — 304 p. — Text : unmediated. [K istokam Rusi. Narod i yazyk / O. N. Trubachev. — Moskva : Algoritim, 2013. — 304 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Fomenko, A. T. Slavic Conquest of the World / A. T. Fomenko, G. V. Nosovsky. — Moscow : AST : Astrel, 2009. — 720 p. — Text : unmediated. [Slavyanskoe zavoevanie mira / A. T. Fomenko, G. V. Nosovskiy. — Moskva : AST : Astrel', 2009. — 720 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
21. Fomenko, A. T. How it Was in Reality. Mound of Christ and the Virgin. Tristan and Isolde / A. T. Fomenko, G. V. Nosovsky. — Moscow : AST Publishing House, 2018. — 672 p. — Text : unmediated. [Kak bylo na samom dele. Kurgan Khrista i Bogoroditsy. Tristan i Izol'da / A. T. Fomenko, G. V. Nosovskiy. — Moskva : Izdatel'stvo AST, 2018. — 672 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Fomin, V. V. Normanist Essence of "Soviet anti-Normanism" / V. V. Fomin. — Text : unmediated // Historical Format. — 2018. — No. 3—4. — P. 98—164. [Normanistskaya sushchnost' «Sovetskogo antinormanizma» / V. V. Fomin. — Tekst : neposredstvennyy // Istoricheskiy format. — 2018. — № 3-4. — S. 98—164]. — (In Rus.)
23. Yugov, A. K. Homeland of Achilles / A. K. Yugov. — Text : unmediated // Thoughts on the Russian word / A. K. Yugov. — Moscow : Soviet Writer, 1972. — P. 183—202. [Rodina Akhilleisa / A. K. Yugov. — Tekst : neposredstvennyy // Dumy o russkom slove / A. K. Yugov. — Moskva : Sovetskiy pisatel', 1972. — S. 183—202]. — (In Rus.)
24. Baudrillard, J. L'Illusion de la fin ou la grève des événements / J. Baudrillard. — Paris : Gallimard, 1992. — 173 p. — Text : unmediated.
25. Kellner, H. Language and Historical Representation / H. Kellner. — Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1989. — 339 p. — Text : unmediated.